

Тан Сяотан прижался спиной к стене, встал на цыпочки, засунул маленькие ручки за пазуху и, крадучись озираясь по сторонам, начал потихоньку-помаленьку шмыгать к входной двери.

В это время до обычного возвращения хозяина с работы ещё оставалось немало.

Возможно... хозяин ещё не обнаружил его исчезновения.

Должно быть, ещё не обнаружил.

Тан Сяотан, сжалившись над собой, мысленно успокаивал себя, прокрался вдоль стены к двери и вдруг обнаружил, эй, дверь не заперта?

Тан Сяотан застыл.

Ситуация становилась чуточку зловещей.

Хозяин... вернулся?

Хозяин специально оставил ему дверь открытой?

Хозяин по рассеянности просто не запер дверь как следует?

Но... разве Сы Ханьцзюэ был рассеянным человеком?

Взгляд мармеладного мишки мгновенно стал пристальным.

Конец.

Маленькие трусики Тан Сяотана разорвались пополам во время первого превращения в человека, и теперь маленькая конфетка была совершенно голая, даже его маленькая конфетка негде было спрятать. Тан Сяотан беспокоило осмотрел своё тело: какую же часть конфетки можно оторвать и преподнести хозяину в качестве извинительной конфетки?

Взгляд мармеладного мишки устремился вверх, он изо всех сил потряс своими ушками-витушками, своей большой головой, затем посмотрел вниз: увидел круглый животик, коротенькие ножки, а между животиком и ножками — маленький отросточек и яички.

Тан Сяотан яростно замотал головой: нет! Нельзя!

Яички нельзя есть!

Тан Сяотан напряг личико, глубоко вдохнул полной грудью, животик стал круглым, переполненным смелостью.

Он тихонько толкнул дверь. В гостиной свет не горел, за огромным панорамным окном ночные пейзажи были в самом разгаре, ночной свет струился на знакомую мебель.

Диван, большой как кровать, журнальный столик из чёрного матового металла высшего качества, тёмного оттенка деревянный пол, чёрно-белая гамма, простая и холодная, в не до конца сгустившейся темноте казалась непонятно почему пустынной.

Потому что не хватало немного звёздного света, потому что не хватало одного человека.

Тан Сяотан встал на цыпочки, вертел большой головой то влево, то вправо, затем, словно

маленький волчок, бесшумно вкрутился в спальню хозяина, кабинет, ванную, а также множество других пустых комнат, ещё не успевших пропитаться человеческим присутствием...

Э-э...

Хозяина нет.

Сы Ханьцзюэ не было в комнатах, осталась лишь приоткрытая дверь и пустой, безлюдный дом.

Вспыхнувшее, как огонёк, ночное волнение и трепет мармеладного мишки по возвращении домой мгновенно были сбиты этим фактом.

Мармеладный мишка шмыгнул носом. Если бы... если бы сегодня конфетка весь день пробыла дома, может, тоже не дождалась бы возвращения хозяина...

На крыше.

Прозрачные автоматические панорамные стеклянные окна окружали всё пространство крыши. Дождь стучал сверху, на панорамных окнах скопился тонкий слой воды, словно слегка выпуклое зеркало, искажавшее звёздное ночное небо в почти фантастическом, переливчатом и великолепном виде.

— Вернулся, вернулся! Смотри, как ножками перебирает!

Цзян Юй с огромным облегчением, совсем не по-взрослому, воскликнул.

Наконец-то вернулся!

Они сидели друг за другом. Цзян Юй, примостившись на маленькой табуретке, нервно уставился в монитор компьютера перед собой.

Сы Ханьцзюэ бросил взгляд, холодными бровями и холодными глазами посмотрел на него.

На компьютере был вывод с камер видеонаблюдения в комнатах. С того момента, как Тан Сяотан высунул свою маленькую головушку у двери, каждое его движение находилось под пристальным взглядом Сы Ханьцзюэ.

Сы Ханьцзюэ сидел в мягком кресле, в руках держал чашку с горячим имбирным чаем, струйки пара причудливо клубились перед глазами, края глаз горели, проступала краснота.

Глаза, подёрнутые влагой, пылающим взглядом впились в Тан Сяотана на экране.

На нём был тёплый серебристо-серый пижамный костюм, на голове мягкая пышная спальная шапочка, и ещё, довольно беспомощно, он был закутан в толстый плед, обеими руками крепко сжимая чашку с имбирным чаем. Ладони покраснели от ожога, но из-за ярости он изо всех сил сжимал их, выступили синие вены.

Одна длинная нога лежала на другой, толстые пижамные брюки задрались вверх, обнажив длинную ступню, завернутую в махровый носок. Волосы были мокрыми, ворот пижамы плотно прижат, от всего тела поднимался пар, лицо было недоброе.

— Прямо как будто месячные пришли.

Тёмные зрачки мужчины таили гнев, сквозь пар от имбирного чая он смотрел, словно

пламенем облизывая мармеладного мишку, сновавшего по экрану.

Отлично.

Не пострадал.

Сы Ханьцзюэ с облегчением выдохнул, но тут же подавил эту тёплую эмоцию, взгляд стал холодным.

Посмел не вернуться на ночь.

Ребёнок вырос, пора наказывать.

— Ой-ой-ой-ой-ой! — Цзян Юй, совершенно не замечая сложных, противоречивых чувств босса, закутавшегося, как Санта-Клаус, пристально смотрел на Тан Сяотана на экране, похожего на маленькую мышь, и пищал от умиления. — Смотри, смотри, смотри! Без одежды, голенький, хех, и немаленький же.

Сы Ханьцзюэ склонил голову, взгляд вверх болтающейся большой головы Цзян Юя упал на мармеладного мишку.

— Йо-йо-йо-йо-йо! Трусики тут спрятал! Ой, трусики порвались!

Тан Сяотан быстро перебирал ножками, стремительно юркнул в ванную, наклонился, высунул попку и залез под ванну, похожую на бассейн, вытащил спрятанные трусики, напялил их, болтающиеся на теле, в разорванном месте перекрутил и завязал бантик размером с рисовое зёрнышко.

Цзян Юй хлопал себя по бёдрам, громко хохоча.

Надев трусики, Тан Сяотан ухватился маленькими ручками за дверь спальни, высунул голову, круглые глазки, вздёрнутый носик, изогнутая линия губ — ничего не изменилось, но даже через видео чувствовалась сильная, виноватая скрытность.

Мармеладный мишка запрыгнул на кровать, не смирившись, залез под одеяло, под толстым одеялом образовался бугорок размером с паровую булочку, словно маленькая птенчик, мечущийся в бескрайних облачных морях. Этот комочек повертелся немного влево, потом вправо, словно щенок без направления, ища след по запаху.

Наконец, Тан Сяотан пробежал из левого верхнего угла одеяла в правый нижний, затем из правого верхнего — в левый нижний.

Одеяло было холодным.

Хозяин вообще не возвращался.

Мармеладный мишка разочарованно вылез из-под одеяла, по неосторожности потерял ориентацию, выбрался из свисающего с кровати уголка одеяла и упал вниз головой.

С экрана донёлся тоненький вскрик.

Сы Ханьцзюэ сохранял холодное выражение лица, но тело инстинктивно дёрнулось вперёд, словно он вот-вот вскочит, чтобы защитить своего мармеладного мишку.

Однако в следующую секунду Сы Ханьцзюэ фыркнул и грузно откинулся назад в кресло.

Цзян Юй тоже вытер пот со лба.

— Эта малявка и вправду смелая, осмелилась одна сбежать.

Он с облегчением выдохнул, с опаской сказал:

— Хорошо, что не попала под сильный дождь, а то...

А то такая маленькая конфетка растаяла бы...

Для конфетки таяние и смерть — какая разница.

Биполярное расстройство Сы Ханьцзюэ не проявилось, но весь он был словно горящее пламя. Впервые в жизни трудоголик бросил работу и ушёл раньше времени, прошёл пешком более десяти километров, тщательно обыскал все дороги, по которым они ходили вместе с Тан Сяотаном.

Цзян Юй сначала хотел сопровождать босса в поисках, но в итоге ноги совсем ослабели, он не выдержал и был вынужден медленно ехать за Сы Ханьцзюэ на машине.

Камеры наблюдения в жилом комплексе не показали проникновения кого-либо в его дом. Сы Ханьцзюэ поручил следить за передвижениями Сы Чэна в течение дня, чтобы убедиться, что тот не тронул его мармеладного мишку.

Целый день прошёл в хлопотах, пока Цзян Юй осторожно не сказал:

— Мы обыскали всё, что можно, перепробовали все способы, а не подумали ли вы, что мармеладный мишка сам сбежал погулять?

Сы Ханьцзюэ посмотрел на Цзян Юя, во взгляде читалось: «Что за бред ты несёшь?»

Упрямо, на долгом пути он продолжал искать следы мармеладного мишки. За полдня пошёл дождь, в их районе был ливень, вода лилась как из ведра, промочив Сы Ханьцзюэ насквозь.

Когда стемнело, Цзян Юю удалось с трудом уговорить Сы Ханьцзюэ сначала вернуться домой.

Если к ночи мармеладный мишка не вернётся домой...

Если к ночи мармеладный мишка всё ещё не вернётся домой, что тогда будет, он не посмел сказать.

Не то ли от усталости, не то ли от отчаяния, Сы Ханьцзюэ, держась за последнюю надежду, как утопающий за соломинку, позволил Цзян Юю отвезти его домой.

Едва сев в машину, Сы Ханьцзюэ весь продрог, у него начался жар.

Всю дорогу они ехали молча, уже приближаясь к дому, Сы Ханьцзюэ вдруг спросил:

— Сяо Юй, скажи, у всех, кто хорошо ко мне относится, конец бывает несчастливый?

Бабушка, Тан Тан и мармеладный мишка...

Цзян Юй украдкой взглянул в зеркало заднего вида на выражение лица Сы Ханьцзюэ.

Спасибо маленьким ангелам, поливавшим питательной жидкостью: Гость 6 бутылочек;
Сихихейхейхей 5 бутылочек; Чжао Юй 3 бутылочки;

Огромное спасибо всем за поддержку, я буду продолжать стараться!

<http://bllate.org/book/15589/1395467>